

INFLUENCE OF THE ARCHITECTURE OF ORTHODOX, MUSLIM AND LAMAIST CHURCHES ON EACH OTHER IN THE TERRITORY OF THE SOUTHERN URALS

Elena V. Ponomarenko (a)

(a) Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation. Moscow, Russia. Email: evpon[at]mail.ru

Abstract

The relevance of the research problem is determined by the ever-increasing interest in the architectural traditions of ethnic and sub-ethnic groups in various regions of Russia, including the Cossacks. The aim of the work is to identify the patterns and features of how the architecture of Cossack Orthodox churches, mosques and Lamaist churches was formed in the Southern Urals. The methodology of the study is based on a comprehensive architectural historical analysis of the construction and design of these structures in the Cossack settlements of the region. The author analyzes a wide range of issues related to the planning, composition and artistic design of Orthodox churches, mosques and Lamaist churches in Cossack settlements of the 18th and early 20th centuries. The article reveals and analyzes an interesting layer of cultural heritage of the region. The work includes the description and analysis of little-known architectural monuments based on the author's field studies of the surviving settlements. The article is written on the basis of an examination of archival data from local and central archives. On the basis of these materials and eyewitnesses' memoirs, the characteristics of the Orthodox, Muslim and Lamaist cult architecture of the region were analyzed. The conclusions of the work will be useful to architects and restorers to work on the modern reconstruction of Cossack settlements.

Keywords

ethnic groups; denominations; churches; mosques; prayer structures; features of the layout of the building; architectural style; decor; architecture traditions; the interconnection of cultural traditions

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВЛИЯНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ПРАВОСЛАВНЫХ, МУСУЛЬМАНСКИХ И ЛАМАИСТСКИХ ХРАМОВ ДРУГ НА ДРУГА НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Пономаренко Елена Владимировна (а)

(а) Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
ЦНИИП Минстроя России. Москва, Россия. Email: evpon[at]mail.ru

Аннотация

Актуальность исследуемой проблемы определяется постоянно растущим интересом к архитектурным традициям этнических и субэтнических групп населения в различных регионах России, в том числе и казаков. Целью работы является выявление закономерностей и особенностей того, как формировалась на территории Южного Урала архитектура казачьих православных церквей, мечетей и ламаистских храмов. Методология исследования основана на комплексном архитектурном историческом анализе строительства и проектирования этих сооружений в казачьих поселениях региона. Автор анализирует широкий круг вопросов, связанных с планировкой, композицией и художественным решением православных церквей, мечетей и ламаистских храмов в казачьих поселениях XVIII – начала XX веков. В статье раскрывается и анализируется интересный пласт культурного наследия региона. Работа включает описание и анализ малоизвестных архитектурных памятников на основе авторских полевых исследований сохранившихся поселений. Статья написана на основе изучения архивных данных из местных и центральных архивов. На основе этих материалов и воспоминаний очевидцев проанализированы характерные черты православной, мусульманской и ламаистской культовой архитектуры региона. Выводы работы будут полезны архитекторам и реставраторам для работы по современной реконструкции казачьих поселений.

Ключевые слова

Этнические группы; конфессии; церкви; мечети; мольбища; особенности планировки; архитектурная стилистика; декор; традиции архитектуры; взаимовлияние культурных традиций

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обусловлена тем, что значение регионов России возрастает; следовательно, выводы этого исследования в современных условиях приобретают все большее значение для возрождения исторической среды казачьих поселений. Формирование исторического сознания в наше время очень важно. Архитектурная и градостроительная культура русского казачества является существенной частью архитектуры и градостроительства провинций Российской Федерации. В то же время — это наименее изученные направления художественно-исторической культуры казаков Южного Урала и всей России.

Российские историки фрагментарно затрагивали эту тематику в сочетании с другими этнографическими вопросами. Это был, прежде всего, В.Н. Витевский. Его работа «Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в XVIII и XIX в.» (1878) рассматривала раскол церкви в этом казачьем войске. Архитектурная история казачества в этой работе не рассматривается.

Несколько ближе к заявленной теме работы Ф.М. Старикова «Исторические и статистические очерки об Оренбургском казачьем войске» (1891) и А.И. Кривошекова «На линии обороны Оренбурга: эссе о прошлой истории Казаков» (1914). Эти авторы затрагивают вопросы, связанные с архитектурными традициями казачества, лишь косвенно, поскольку в центре их внимания находятся народное искусство, ритуалы и обычаи.

Зарубежные ученые рассматривали историю казачества. Французский историк Шарль Луи Лесюр написал в 1814 году по приказу императора Наполеона «Историю казачества» (Lesur, 1814). В этой книге он рассматривает некоторые примеры казачьих обычаев. Однако казаки здесь этнографическое понятие он считает казаков изолированным народом. Несмотря на общность языка и религии, она разделяет русских и казаков, сравнивает жизнь и обычаи черноморских казаков с обычаями гуннов и печенегов. Л. Я. Карр в своей книге рассматривает пребывание казаков во Франции во время войны 1812 года. В последней главе «Анализ различных русских народов, которые сегодня служат казаками» автор различает донское и украинское казачество, но анализирует только их одежду, оружие и методы ведения войны (Karr, 1814).

В целом до настоящего времени серьезных работ, посвященных анализу архитектуры и градостроительства казачества Среднего Поволжья и Южного Урала, практически не было.

В настоящее время происходит возрождение казачества. Однако статус этого движения в настоящее время нельзя считать окончательно установленным. Во многих документах, например, «Концепция; политики; органов, власти; Волгоградской области; в отношении казачества» (2011), казаки: именуется этнической группой. В некоторых документах встречается термины «культурно-этническая группа», «социально-этническая группа», «сословие». В этой связи появляются новые исследования. Свой вклад в осмысление этого вопроса внесли А.В. Венков (2016), А.А. Гордеев (1991), стр.А. Козлов (1996), О.В. Матвеев (2006) и другие. Все эти работы в большой мере посвящены истории казачества, а архитектурно-градостроительную культуру рассматривают очень фрагментарно.

Архитектурная тематика исследования требует привлечения работ архитекторов: Г.В. Есаулова (1995), Н.Н. Великой (2001), А.Г. Лазарева (2001), стр.Д. Сулименко (1997), стр.О. Терехина (2002), и других.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для того чтобы выявить особенности архитектурной и градостроительной культуры русского казачества, необходимо изучить местные и региональные особенности этой культуры. Методология исследования основана на комплексном историческом архитектурном анализе культовых зданий разных конфессий в казачьих поселениях. Системный подход предполагает использование методов генетической истории, архитектурного и градостроительного анализа (типологического и стилистического). Особенно важно, чтобы такой подход позволял учитывать многие аспекты субэтнических, национальных и конфессиональных особенностей архитектуры. Основным методом исследования является исторический архитектурный анализ и широкие архивные исследования, обобщение данных из документов, полевых исследований, этнографических и исторических материалов. Проведен анализ материалов центральных и местных архивов и музеев, где рассмотрены материалы Берг-коллегии и Сената, а также Горного департамента, Канцелярии Главного заводов правления, Оренбургского и Пермского горных начальств. Для сбора полевых данных мы использовали такие методы, как: прямой осмотр и измерение материальных остатков зданий, фотофиксация, углубленные интервью с информаторами.

Опираясь на «исторические, мемориальные, культурно-идеологические и эстетические» аспекты ценности этого архитектурного наследия, выявленные А.С. Щенковым, автор этой работы пред-

лагает парадигму, обогащающую анализ таких архитектурных сооружений (1995). С точки зрения исторического развития процесс формирования архитектурно-градостроительного наследия казачества может быть представлен как цепь дискретных состояний искусственной среды обитания. Основные характеристики каждого этапа определяются конкретно-исторической ситуацией, которая детерминирована целым рядом факторов (природно-климатических, культурных, экономических и политических).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Развитие торговли между Россией и азиатскими государствами, а также, между европейской и азиатской частью страны во многом определило строительство населенных пунктов на территории Южного Урала, которая в XVIII веке принадлежала Оренбургскому казачьему войску. Первые торговые пути между европейской частью страны и Сибирью: Печорский (Новгородский) путь, Старая Казанская дорога, Московский путь, Бабинова дорога или Верхотурский путь, Сибирский тракт не захватывали территорию края.

До начала полномасштабной русской колонизации Южного Урала во второй трети XVIII века основным населением края было башкирское. В результате строительства русских крепостей и принудительного переселения в них казаков национальный состав жителей Южного Урала оказался весьма пестрым. Вместе с русским населением на территорию региона мигрировали представители различных этнических групп. В результате христианские и исламские конфессиональные общины приобрели неоднородный состав. К христианскому вероисповеданию относились: русские, украинцы, немцы, поляки и др. Особенностью региона являлось значительное количество мусульман, в том числе переселенцев. Третьей конфессиональной группой региона были буддисты-ламаисты. Это была менее многочисленная группа, чем христиане и мусульмане, но и она играла определенную роль в формировании архитектурно-градостроительного наследия региона.

Миграции представителей различных этнических групп привели к тому, что к концу века преобладающим населением края вместо башкирского стало русское. По данным третьей ревизии 1767 года русское население Южного Урала составляло примерно треть всех жителей, а основная часть приходилась на нерусские народности. Самой многочисленной категорией податного населения региона являлось крестьянство – 97,8%. Оно распределялось следующим образом: 46,2% всех жителей приходилось на долю ясачных крестьян,

33,4% – теплярей и бобылей, 8,2% – посессионных, 5,9% – помещичьих, 5,7% – экономических, 4% – дворцовых, 2,8% – приписных к частным заводам и т.п. (Прохоров, 1995).

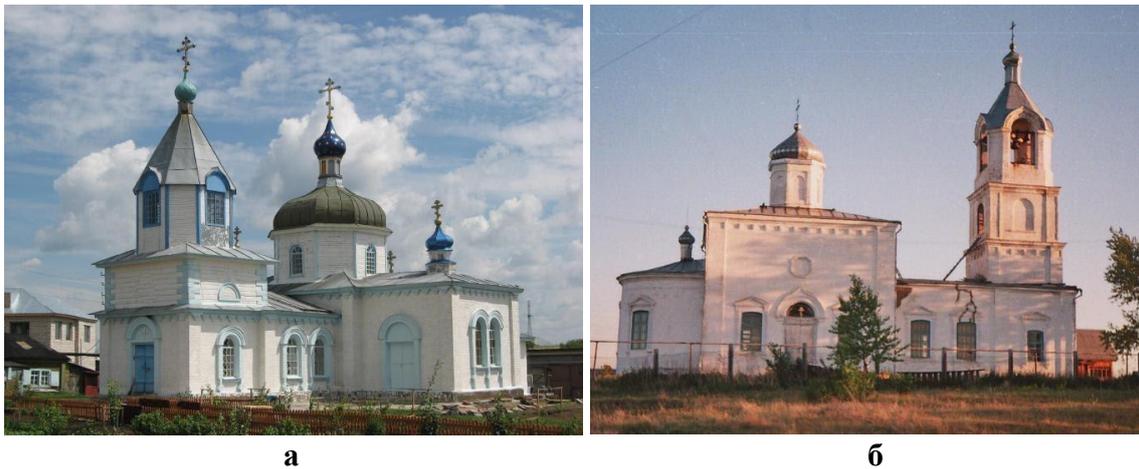
Уже по данным ревизии 1781 года, самыми многочисленными жителями Южного Урала были русские, составлявшие 56,6%. Почти втрое меньше на территории башкир проживало – 22,8%. Тепляры составляли 13,9%, а мещеряки – 5,3%. Все остальные народности (крещеные калмыки, татары, чуваша, марийцы и др.) – 1,4%. При этом городское население края составляло 1,01%, а сельское – 98,99%. Татары, согласно ревизии 1745 года впервые появились на Южном Урале в этом году и составляли тогда 2,4%. В основном это были военные, их называли «служилые татары» (Чернавский, 1993).

Застройка новых крепостей соответствовала традициям, которые были характерны для переведенных туда казаков. В.М. Черемшанский отмечал, что «дома крестьян строятся на фундаментах или столбах, а старой постройки на земле. Большая часть домов имеет по две избы, а многие и по три, из коих одна всегда содержится в чистоте и опрятности» (Черемшанский, 1859, стр. 216).

Проектирование и возведение православных церквей, в частности в казачьих станицах и крепостях, осуществлялось не профессиональными архитекторами, имеющими высшее образование, а бригадами каменщиков, приглашенных из Далматовского монастыря или из регионов центральной России. Строительство первой церкви в православных казачьих станицах осуществлялось, как правило, одновременно с основанием поселения. Эти церкви были больших размеров, потому что рядом с ними проходили собрания казаков всего села (Казачий круг). С точки зрения композиции это были типичные для российской провинции здания. Вдоль главной оси, были последовательно расположены: входной придел, надстроенная над ним колокольня, трапезная, двухсветное главное пространство церкви и алтарь. Трапезная и главное пространство церкви обычно составили единое сооружение.

Например, Покровская церковь в селе Студенцы Саракташского района Оренбургской области имела характерную для казачьих станиц и крепостей региона композицию и пропорции объемов, но декор храма варьирует элементы архитектуры барокко. Планировка развивается по оси и включает: колокольню, трапезную, центральный зал и апсиду алтаря. Центральный зал представляет собой четверик с крупномасштабным завершением, которое включает купол на восьмигранном барабане с небольшой главкой вверху. Колокольня имеет три яруса, которые разделены сильно вынесенными карнизами. Она за-

вершена высоким шатром, который по объему спорит с завершением основного зала церкви. Срублена колокольня «в лапу», а не «в обло». Окна имеют прямоугольную форму с полуциркульным завершением. Они украшены барочными наличниками с перспективным завершением. Под карнизом всех объемов проходит барочный фриз, украшенный ступенчатыми сосульками (рис.1а).

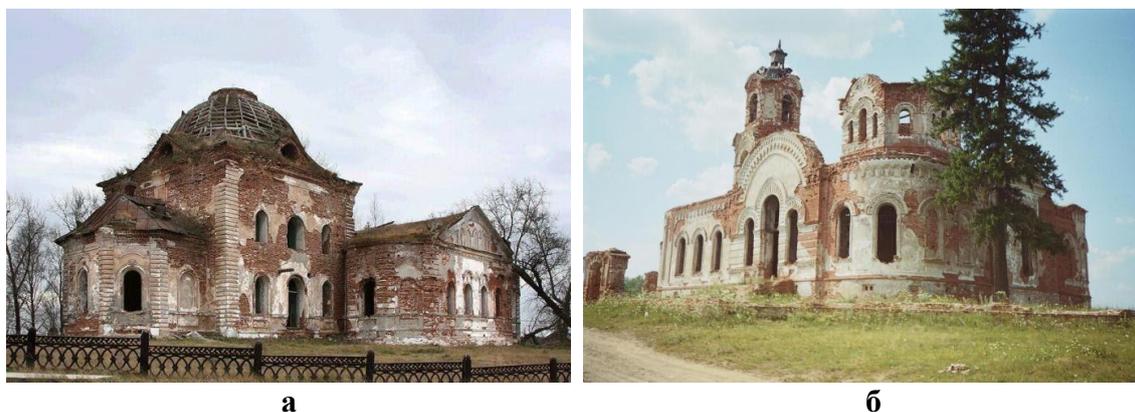

Рис.1. Православные церкви: а – в селе Студенцы; б – в селе Красносельское

Начало XIX века ознаменовалось растущей обеспокоенностью государственных чиновников развитием церковной архитектуры в приграничных регионах страны. В указах Синода 1826 и 1828 годов было прописано, что в целом церкви и соборы в стране должны строиться по утвержденным планам, проектам в соответствии с архитектурными правилами и канонами. Церковная архитектура в этот период стала символом как выражения, так и утверждения российского правления и господства на прилегающих к границам территориях. Регулярные планы строительства города и здания были ключевыми передатчиками этой политики. С этой целью в столице были сделаны проекты и рисунки, вошедшие в типовые альбомы проектов церквей.

Одним из таких проектов, хотя позже переработанном на месте, была церковь в селе Красносельское Увельского района современной Челябинской области живописно расположена в центре поселка на крутом берегу реки Кабанки (рис.1б). С противоположной стороны к ней примыкает большая площадь, характерная для казачьих поселений. Объемное решение церкви типично для Оренбургской губернии рассматриваемого периода. Оно включает последовательно расположенные колокольню, трапезную, основной объем и апсиду с более высоким четвериком основного объема. Особенностью объемной композиции этого храма являются: непропорционально маленький

купол в средокрестье и один ряд окон в центральном четверике. Колокольня (выше входного придела) имеет три яруса и шатер, завершенный луковкой на непропорционально высоком барабане. Два нижних яруса колокольни представляют собой четверики, а верхний – четверик со срезанными углами. Ярусы разделяются мощными профилированными карнизами. Под карнизом нижнего яруса проходит декоративный пояс, состоящий из небольших прямоугольных перспективных ниш. Второй ярус имеет высокие с полуциркульным завершением окна и ложные окна в центре каждой грани. Оба яруса декорированы по углам лопатками, на которые опирается карниз с дополнительными полочками, напоминающими антаблемент. Эти лопатки являются своеобразным вариантом упрощенных пилястр. Такими же лопатками-пилястрами акцентированы углы четверика, трапезной и входного придела основного объема церкви. Ярус звона колокольни имеет минимальный декор: профилированный карнизик и килевидное завершение проемов в гранях. Окна церкви украшены наличниками. Полукруглая апсида, перекрытая плоской конхой, завершена небольшой луковкой на высоком граненом барабане. Декором выделен только основной четверик церкви. Он имеет двери в северной и южной стенах, решенные так же, как и основной западный вход. Высокий прямоугольный проем завершен полукруглым окном с накладной перспективной аркой килевидной формы. Под карнизом основного четверика находится орнамент.

Рис.2. Православные церкви: а – в селе Багаряк; б – в селе Булзи

Церковь в селе Багаряк, сооруженная в середине XIX века, расположена на высоком берегу реки Багаряк. Декор церкви имеет черты классицизма и барокко, а объемная композиция усложнена боковыми приделами трапезной. Храм включает: входной придел, трапезную с двумя боковыми приделами, двухсветный основной объем и граненую

апсиду. Колокольня храма в настоящее время утрачена. Церковь построена из кирпича и оштукатурена. Основной четверик завершен куполом без барабана с люкарнами, венчающий элемент утрачен. Двухсветный основной объем возвышается над трапезной и апсидой. Он имеет высокие прямоугольные окна с полуциркульным завершением и два дверных проема аналогичной формы с севера и с юга. Углы всех объемов церкви акцентированы рустованными пилястрами, которые несут антаблемент и карниз. Под окнами по периметру всей церкви идет ряд плоских прямоугольных ниш. Низ окон и полоска ниш отделены горизонтальными тягами. В апсиде и в первом ярусе основного четверика над окнами расположены накладные декоративные дугообразные элементы. Апсида пятигранная, завершена конхой. Наличники окон входного придела и трапезной более сложные, имеют завершения в виде изогнутых колонок с опирающимся на них дугообразным элементом. Боковые приделы трапезной имеют треугольные фронтоны, отделенные карнизом (рис. 2а).

Покровская церковь в селе Булзи Каслинского района Челябинской области была построена в 1833 году. Это необычный для Южного Урала вариант классицизма с элементами романтизма. Завершалась здание очень мощно – граненый световой барабан над центральным молельным залом напоминал скорее мезонин, а утраченный купол имел очень большие размеры. Классическая композиционная схема «кораблем» обнесена здесь галереей прямоугольной в плане формы с двумя скруглениями в алтарных углах. С запада, севера и юга галерея имеет входные порталы с полукруглым завершением, которые значительно возвышаются над галереей. Боковые порталы украшены особенно парадно. Подкарнизная полоса декорирована двойной лентой орнамента из зубчиков и из ступенчатых сосулук. Дверной проем фланкирован двумя окнами, объединенными общим завершением. Над окнами оно полуциркульное, а над дверью – стрельчатое. Эти завершения украшены маленькими нишами и архивольтом. В уровне низа окон имеется горизонтальная тяга с зубчиками. Нижняя часть входного пилона оштукатурена под руст. Западный входной пилон имеет только дверной проем и несколько концентрических накладных декоративных арок стрельчатой формы. Весь объем галереи имеет завершение с карликовой аркадой в верхней части объема. Галерея прорезана высокими окнами с полуциркульным завершением, архивольты которых декорированы аналогично боковым пилонам. Апсида прямоугольной формы слегка выступает за приделы галереи и завершена треугольным фронтоном. Колокольня фланкирована двумя невысокими приделами. Она имеет три яруса и завершена полусфериче-

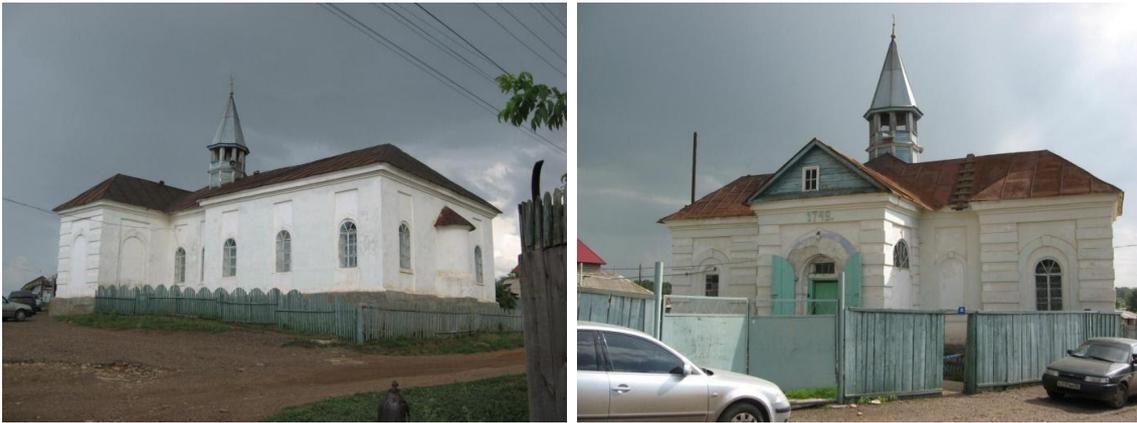
ским куполом с фонарем. Нижний ярус представляет собой как бы прямоугольный постамент, а два верхних – восьмерики с неравными гранями. Они декорированы плоскими нишами, а в широких находят-ся проемы. Форма и декор этих проемов аналогичны окнам галереи. Карнизы обоих ярусов прорезаны полукруглыми фронтонами с деко-ром. Церковь построена из кирпича на основании из камня-плитняка и оштукатурена. Вокруг церкви имелась ограда с тремя воротами – с запада, севера и юга (рис. 2б).

После завоевания Казани на всей российской территории некото-рое время происходило разрушение мусульманских культовых зда-ний, но положение изменилось после указа Сената 1773 года «О тер-пимости всех вероисповеданий», в результате которого в российских городах мечети начали широко строиться. Большое количество пере-селенцев из Поволжья способствовало экспансии волго-камской архи-тектурной традиции. Как отмечает исследователь мусульманской ар-хитектуры этого региона Н.Х. Халитов, традиция культовой архитек-туры поволжских татар сохранила к середине XVIII века два основ-ных типа мечети: центрально-купольные «джами» и «мэхэлля» – од-нозальную (столпную) мечеть с минаретом в центре двускатной кры-ши. Архитектура татарских мечетей в этот период во многом утратила традиции монументальности. Это были небольшие здания, исчез их градообразующий масштабный характер (Халитов, 1992).

Однозальные мечети XVIII века с минаретом на крыше были од-нотипны как в плане, так и по композиции. Они ставились на высокий хозяйственный подклет с отдельным входом снаружи. Объемная ком-позиция здания строилась на контрасте распластанного четко ограни-ченного объема здания и высокого минарета. Вход в северной или восточной стене вел в сени, где размещалась лестница на чердак и дверь в молельный зал. На чердаке по специальной дощатой дорожке можно было пройти к минарету, на верхнюю площадку которого вела винтовая лестница. Обычно башня завершалась высоким деревянным шатром с полумесяцем. В южной стене молельного зала находилась михрабная ниша, снаружи имевшая вид пристроя прямоугольной формы, в ряде случаев консольно нависавшего над землей. Срубные одно- двухэтажные здания покрывались высокой двускатной кры-шей. Минарет конструктивно представлял собой бревенчатый восьми-гранный каркас, крепившийся к стропилам и балкам перекрытия и обшитый, как правило, горизонтальными рядами досок. Для силуэта характерен контраст тонкого изящного ажурного минарета и массив-ного статичного объема здания при общей симметричности компози-ции. Нижняя часть шатра перебивалась двойным дощатым карнизом.

Восьмигранный стержень делился пополам карнизом на уровне площадки. Под восьмериком мог располагаться небольшой четверик.

Например, в поселке Татарская Каргала Сакмарского района Оренбургской области была построена такая мечеть в 1749 году. В этом здании ярко читается влияние российской ордерной архитектуры на мусульманскую. Михраб этой мечети похож на эркер полуцилиндрической формы или на алтарную апсиду православного храма. Кроме того – этот михраб перекрыт конхой. Очень показателен декор фасадов мечети, в котором использованы мотивы русской стилевой и традиционной волго-камской архитектуры. Весь объем здания имеет профилированный классический карниз. Стены расчленены высокими плоскими нишами, в которые вписана окна с полуциркульным завершением. Фасады, как принято в стилистике классицизма, украшены по углам рустованными лопатками. Окна имеют плоские наличники с выделенным замковым камнем (рис. 3).

Рис.3. Мечеть в селе Татарская Каргала

Мечеть № 8 в поселке Каргалы сооружена в 1790 году Махди-Китлов-беем. Это было типичное для территории Оренбургского казачьего войска одноэтажное здание с купольной главкой на цилиндрическом барабане над главным залом. Вход в мечеть был фланкирован двумя минаретами, внешним видом напомилавшими средневековые болгарские. Акцентированная арка входа между башнями ассоциативно дополняла это сходство. В то же время, в стилевом отношении мечеть № 8 явно решалась архитектором в духе русского барокко середины XVIII века, в сочетании с упомянутыми башнями, придававшими зданию несколько эклектичный облик.

Встречались в регионе мечети с куполом в центре объема. Они имели двухэтажные входные приделы и большой минарет с северной стороны здания. Например, мечеть Менового двора в г. Яике (Ураль-

ске) зарисованная в середине XVIII веке П.И. Рычковым. Судя по его рисунку, здание имело прямоугольный или квадратный план, центральный купольный зал и два угловых минарета. Мечети такой же купольной конструкции распространены в Азербайджане, Турции, Иране, Средней Азии, но южноуральские мечети отличаются приземистостью пропорций, тяжеловесностью форм и лаконичностью внешнего декора (Мильков, Рычков, 1953, стр. 61).

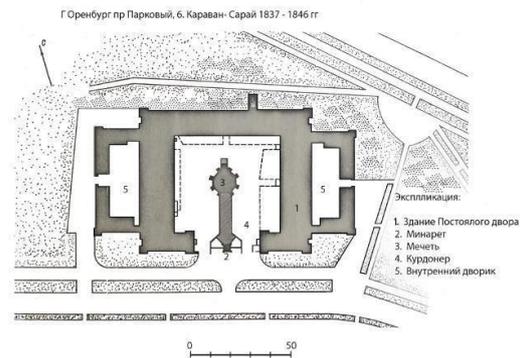
В середине XIX века в селах, особенно северной зоны Южного Урала, распространились каменные жилые дома. Особенностью декоративного оформления этих зданий было использование продукции уральских заводов. Вблизи городов-заводов, выпускавших чугунное литье, таких как Каслинский и Кусинский, они декорировались металлическими решетками и другими подобными элементами. Например, жилые дома, расположенные в центре села Огнево Челябинской области, не уступают городским. Они декорированы пилястрами и фигурными наличниками, а также металлическими парапетами над домами и воротами усадьбы.

С начала XIX века в Оренбургской губернии строительство мечетей еще более расширилось, число их к 1833 году достигло 1717 зданий. Как доносил в 1806 году пресвященный Августин обер-прокурору Св. Синода А.Н. Голицину, «во всех уездах Оренбургской епархии великое множество татарских селений с их мечетями и училищами» (Халитов, 1992).

Например, старейшая мечеть Оренбурга находилась в центре города между Мечетной улицей и Татарским переулком. Мечеть № 1 была заложена в 1803 году на казенные средства, закончена в 1805 году и расширена в 1874 году. В образном отношении она близка к болгарскому стилю средневековой исламской архитектуры (ГАОО ф. 11, оп. 9а, д. 291).

Для Оренбурга в застройке любого назначения было характерно смешение стилевой архитектуры с азиатскими мотивами. Замечательным памятником является мечеть караван-сарая в Оренбурге, построенная в 1836 – 1846 годах по проекту российского архитектора А.П. Брюллова. Характерно, что большую часть декора этой мечети и, особенно минарета, в то числе мусульманскую символику были привезены из Петербурга и в Москве, а строительные материалы поставляли башкирами, назначенные из полков и кантонов. Но в строительстве самих зданий принимали участие в основном русские мастера (ГАОО ф. 41, оп. 1, д. 592). Мечеть с минаретом является композиционным центром комплекса караван-сарая, который первоначально являлся «общественным башкирским постоялым двором». Впоследствии он

был превращен в канцелярию командующего башкирско-мещеряцким войском, затем в казармы, а еще позднее – в присутственные места. Комплекс представляет собой каре двухэтажных корпусов с симметрично пристроенными по горизонтальной оси симметрии одноэтажными П-образными корпусами. В центре каре находится мечеть, а в разрыве двухэтажных корпусов по вертикальной оси симметрии – ее минарет. Общие размеры комплекса с юга на север – 69,6 м., а с запада на восток – 120,5 м. Вокруг разбит парк площадью 5 га.

Рис.4. Мечеть караван-сарая в Оренбурге

В главном здании мечети с помощью сильно выступающих контрфорсов подчеркнута его центричная восьмигранная форма, которая поддерживается высоким стрельчатым куполом. Его грани обрамлены широким стрельчатым наличником, в который вписаны окна тоже стрельчатой формы. Богатая внутренняя отделка интерьера тоже варьирует элементы русской и волго-камской мусульманской архитектуры. Используются мотивы восьмиконечной звезды с множеством рельефных лучей. Окружающая эту композицию поверхность имитирует голубое небо с восьмиконечными звездами. Также в интерьере присутствуют геометрический и растительный орнамент и хрустальная люстра, которая была выполнена мастерами из Петербурга (ГАОО ф. 11, оп. 9, д. 71).

Минарет большой высоты был построен отдельно стоящим (существующий ныне соединительный крытый переход относится к советскому периоду). Это сооружение в виде каннелированной колонны на белокаменном цоколе с площадкой для муэдзина и конусообразным завершением. Тело колонны имеет 24 каннелюры, облицовано белыми изразцами.

Таким образом, этот комплекс решен скорее в традициях русской архитектуры, чем какой-либо азиатской школы. Он был спроектиро-

ван петербургским архитектором, а многие его ответственные детали выполнялись в столице. Основная характеристика комплекса – эклектичность. Автор пытался в объемной композиции комплекса отразить черты мусульманского зодчества, но это скорее подражание, чем следование восточной архитектурной традиции. Мусульманские детали декора являлись данью назначению здания. Даже традиционная азиатская отделка мечети выполнялась русскими мастерами и была дополнена совсем уж не характерными для мусульманского зодчества хрустальными подвесками люстры и подсвечников (рис. 4).

Рис. 5. Мечеть в Миассе

Многие историки и путешественники описывали значительную мусульманскую диаспору в городе Миасс (ГАОО ф. 41, оп. 1, д. 291). Например, В.П. Доброхотов утверждал, что мечеть в Миассе бала одной из самых красивых на территории Оренбургского казачьего войска и имела высокий отдельно стоящий минарет (1917, стр. 559). Минарет сохранился. Он имеет граненый пьедестал с контрфорсами, канеллированный ствол, открытую круговую площадку и завершение в виде полусферического купола (рис.5).

Культовые сооружения калмыков-ламаистов, чувашей и мордвы располагались в значимых местах, как правило, в глухих лесах. Это объяснялось почитанием деревьев и необычных природных феноменов. Определенную роль в их расположении играла политика принудительного крещения ламаистов. В XVIII веке по воспоминаниям И.И. Лепехина чувашаи и мордва, несмотря на крещение, сохраняли свои старые верования и имели мольбища прежней веры (1821, стр. 173).

Мольбища чувашей назывались «ирзям», а мордвы – «кереметь». Композиционно они были одинаковы. Прямоугольная площадка, ориентированная по сторонам света, огораживалась с четырех сторон тыном. В нем делались входы с воротами со всех трех сторон света (все, кроме юга). Западные ворота предназначались для людей, восточные – для жертвенного скота, а северные – для того, чтобы вносить в мольбище воду.

Калмыки тоже имели свои мольбища, которые назывались «кин». Они располагались, также, в почитаемых местах, около священных природных объектов. «Летописцы их свидетельствуют, что они в старину были не кочевой народ. Да и ныне сиим калмыцким именем называют одну пещеру, находящуюся при Соленом озере, отстоящем от Черного яра в 60 верстах на Уральской степи» (Лепехин, 1821, стр. 336).

Другой тип мольбища назывался у калмыков «цаца», там проводились годовые (крупные) религиозные церемонии. «Цаца» устраивалась специально для каждой церемонии. По свидетельству И.И.Лепехина: «Тут делают новые капища, цаца называемые, и выбирают к сему угористое место. Цацу украшают вышесказанными уборами. Посередине ставят стол. А на стол ставят своих Бурханов. Черные калмыки [не священники] ходят около цацы, и по троекратном обходе перед дверьми цацы кладут по три земные поклона, взирая на Бурханов и возлагая руки свои на голову (Лепехин, 1821, стр. 368). Остатки жертвенного скота раздают молящимся. Первую часть получает духовенство, и каждый из своего блюда по три щепотки откладывает, как некую жертву Бурханам, приговаривая за каждой щепоткой «урбанердини» (Лепехин, 1821, стр. 338).

Кроме того, у калмыков существовала традиция совершать свои богослужения в специальных кибитках или, позднее, в домах. Традиционные погребения калмыков отличались от русских. «Над погребениями ставят четыре шеста, обращенные на все части мира. На шестах вращают значки с надписью года и числа рождения и кончины покойника с молитвою к Бурханам» (Лепехин, 1821, стр. 376).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в XVIII - XIX веках на территории Южного Урала, принадлежащей Оренбургскому казачьему войску, существовала устоявшаяся система казачьих поселений, важной частью которой были укрепленные линии казачьих крепостей. Между крепостями всех линий находились редуты – небольшие укрепления. Наиболее важным элементом в составе крепости-поселения и казачьей станицы

были культовые здания, которые соответствовали национальным традициям казаков конкретного поселения. Превосходя жилые здания по размерам и выразительности, они успешно вписались в окружающие пейзажи и производили сильное художественное впечатление на своих современников.

Церкви казачьих станиц и крепостей региона характерны большими габаритами, что объяснялось их расположением около большой главной площади казачьего поселения. Особенностью этих зданий являлись очень высокие колокольни, которые спорили в силуэте поселения с минаретами мечетей. В архитектуре этих церквей перемешивалось влияние народных казачьих традиций и стилевой архитектуры. В XVIII веке преобладало барокко, а в первой половине XIX века на Южном Урале господствовал стиль классицизм. Композиции объемов более соответствовали традиционной схеме, которая развивалась в глубину по оси. В декоре господствовали элементы барокко и классицизма с сильно упрощенными профилями.

Историзм мышления, свойственный русской культуре XIX века, своеобразно проявился в том, что эта культура взяла на себя миссию по возрождению традиций булгаро-татарского средневековья как части собственного отечественного наследия, что способствовало развитию историзма в идеологии татарской культуры. В 1827 году губернский архитектор А. Шмидт исследовал, обмерил и вычертил памятники средневекового зодчества Великих Булгар и издал альбом «Чертежи развалин древних Булгар, снятые с натуры архитектором А. Шмидтом в 1827 году».

Мечети крепостей и станиц Южного Урала строились одноэтажные с надвходным минаретом или с минаретом на крыше, с размещением входа в торце здания по длинной оси фасада. На крышу самой мечети иногда ставится купол полусферической формы (мечеть Караван-Сарай). Мечети в классическом стиле решались без использования портиков, колонн, капителей. Из арсенала классицизма использовались самые простые и строгие элементы: руст, пояски, карнизы, пилястры, небольшой фронтон. Развитие мечетей идет в сторону разработки более высокого и более композиционно значимого минарета. Формы минарета постепенно сводятся к более сложной проработанной форме, иногда ассоциативно по пропорциям и членениям напоминающей булгарские минареты.

Архитектура мечетей Южного Урала второй половины XVIII – середины XIX века в целом не имела выраженного сходства с мечетями среднеазиатских и других южных народов. Более выражена была связь с волго-камским мусульманским зодчеством. В целом архитек-

тура отличалась от традиционных южных типов планировочно и внешне. Культовые сооружения ламаистов этого периода известны.

БЛАГОДАРНОСТИ

The research was carried out with funds from the State Program of the Russian Federation "Development of Science and Technology" for 2013-2020 within the framework of the Plan of Fundamental Research of the Russian Ministry of Construction and RAASN.

Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН.

Список литературы

- Karr, L. J. (1814). *Des cosaques ou détails historiques sur les moeurs, coutumes, vêtemens, armes; et sur la manière dont ce peuple fait la guerre; recueillis de l'allemand*. Paris. (In French)
- Lesur, Ch.-L. (1814). *Histoire des cosaques*. Paris. (In French)
- Великая, Н.Н. (2001). *Казачьи Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв.* Ростов-на-Дону.
- Венков, А.В. (2016). *Вешенское восстание*. Москва: Вече.
- Витевский, В.Н. (1878). *Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в XVIII и XIX в.* Казань: типография Императорского университета.
- Гордеев, А.А. (1991). *История казаков. Т. II*. Москва.
- Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Ф. 11, Оп. 9, Д. 71. *Дело о мечети*.
- Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Ф. 11, Оп. 9а, Д. 291, л. 11. *Дело о мечети №1*.
- Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Ф. 11, Оп. 9а, Д. 591, л. 96. *Дело о строительстве мечети Миасского завода Троицкого уезда*.
- Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Ф. 41, Оп. 1, Д. 592. *Дело о строительстве Караван-сарайской мечети*.
- Доброхотов, Ф.П. (1917). *Урал Северный, Средний и Южный*. Санкт-Петербург: Тип. Б.А. Суворина.
- Есаулов, Г.В. (1995). Синхронно-иконологический подход как основа персонального освоения творческих традиций в архитектуре. В *Архитектура мира*, (4) (стр. 128 -145). М. Изд-во Всесоюзного НИИ теории архитектуры и градостроительства.

- Козлов, С.А. (1996). *Кавказ в судьбах казачества*. Санкт-Петербург.
- Кривошеков, А. И. (1914). На Оренбургской пограничной линии: (очерки прошлого) // *Вестник Оренбургского учебного округа*, (1), 1–24.
- Лазарев, А.Г. (2001). *Архитектура и градостроительство юга России. История. Традиции. Современные тенденции*. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный строительный университет.
- Лепехин, И.И. (1821). *Записки путешествия академика Ивана Лепехина*. Санкт-Петербург. Императорская Академия наук.
- Матвеев, О.В. (2006). Историческая картина мира кубанского казачества: социальные аспекты воинской ментальности. В *Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 1* (стр. 396–411). Ростов-на-Дону.
- Милюков, Ф.Н. & Рычков П.И. (1953). *Жизнь и географические труды*. М. Гос. Изд. географической литературы.
- Прохоров, М.Ф. (1995). Крестьянская колонизация Оренбургского края в середине XVIII века. В *Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II*. (11). Челябинск: ЮУрГУ.
- Стариков, Ф.М. (1891). *Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска*. Оренбург: Типография Бреслина.
- Сулименко, С.Д. (1997). *Башни Северного Кавказа (символизация пространства в домостроительном творчестве горцев)*. Владикавказ: Проект-Пресс.
- Халитов, Н.Х. (1992). *Мусульманская культовая архитектура Волго-Камья с IX до начала XX вв.*. Doctoral dissertation. Москва.
- Черемшанский, В.М. (1859). *Описание Оренбургской губернии*. Уфа: Губернская типография.
- Чернавский, Н.М. (1993). *Материалы к истории Челябинска*. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска.
- Щенков, А.С. (1995). Проблемы исторической ценности памятников в русской реставрации 1890 – 1910 гг.. В *Реставрация и архитектурная археология*. (В.2.) (стр. 29-37). Москва.

References

- Cheremshansky, V.M. (1859). *Description of Orenburg province*. Ufa: Governor's Printing House. (In Russian)
- Chernavsky, N.M. (1993). *Materials to the history of Chelyabinsk*. Chelyabinsk: Center for Historic and Cultural Heritage in Chelyabinsk. (In Russian)
- Dobrohotov, F.P. (1917). *Ural North, Middle and South*. St. Petersburg: Type. B.A. Suvorina. (In Russian)
- Gordeev, A.A. (1991). *The history of the Cossacks*. Т. II. М. (In Russian)

- Karr, L. J. (1814). *Cossacks or historical details about morals, customs, clothing, weapons; and about the way this people waged war; collected from German*. Paris. (In French)
- Khalitov, N.H. (1992). *Muslim cult architecture Volgo-Kamya from the 9th to the early 20th centuries: Thesis of The Doctor of Architectur*. Moscow. (In Russian)
- Kozlov, S.A. (1996). *The Caucasus is in the fate of the Cossacks*. St. Petersburg. (In Russian)
- Kryvoshchekov, A.I. (1914. - No. 1). On the Orenburg Border Line: (essays of the past). In *Herald of Orenburg school district* (pp. 1-24). Orenburg. (In Russian)
- Lazarev, A.G. (2001). *Architecture and urban planning in southern Russia. History. Traditions. Modern trends*. Rostov-on-Don: Rostov State Construction University. (In Russian)
- Lepekhin, I.I. (1821). *Notes of the travel of the academician Ivan Lepekhin*. St. Petersburg: Imperial Academy Sciences. (In Russian)
- Lesur, Ch.-L. (1814). *The history of Cossacks*. Paris. (In French)
- Matveyev, O.V. (2006). Historical picture of the world of the Cuban Cossacks: social aspects of military mentality. In *Cossacks of Russia: past and present: A collection of scientific articles. Vol. I.* (pp. 396-411) Rostov-on-Don. (In Russian)
- Milkov, F.N. & Rychkov P.I. (1953). *Life and geographical work*. Moscow: Gos. Ed. geographical literature. (In Russian)
- Prokhorov, M.F. (1995). *Peasant colonization of The Orenburg region in the middle of the 18th century. Russia and the East: problems of interaction. Part II*. Chelyabinsk: URSU. (In Russian)
- Shchenkov, A.S. (1995). Problems of historical value of monuments in Russian restoration 1890 – 1910. In *Restoration and architectural archaeology. V.2* (pp. 29-37). Moscow.
- Starikov, F.M. (1891). *Historical and statistical essay of Orenburg Cossack troops*. Orenburg: Breslin Printing. (In Russian)
- State Archives of Orenburg Region (GAOO), F. 11, Op. 9, D. 71. *The case of the mosque*.
- State Archives of Orenburg Region (GAOO), F. 11, Op. 9a, D. 291, l. 11. *The case of the mosque. №1*.
- State Archives of Orenburg Region (GAOO), F. 11, Op. 9a, D. 591, l. 96. *The case of the construction of the Mias factory mosque in Troitsky County*.
- State Archives of Orenburg Region (GAOO), F. 41, Op. 1, D. 592. *The case of the construction of the Caravan-Sarai Mosque*.
- Sulimenko, S.D. (1997). *Towers of the North Caucasus (symbolization of space in the house-building work of the Highlanders)*. Vladikavkaz: Project-Press. (In Russian)
- Velikaya, N.N. (2001). *The Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in 18th–19th Centuries*, Rostov-on-Don. (In Russian)

- Venkov, A.V. (2016). *Vyoshenskoye Uprising*. Moscow: Veche. (In Russian)
- Vitevskiy, V.N. (1878). *The Split in the Ural Army and the Attitude of Spiritual and Civil-Military Authorities in the 18th and 19th Centuries*. Kazan. Imperial University Printing House. (In Russian)
- Yesaulov, G.V. (1995). Synchronic and iconological approach as the basis of personal mastery of creative traditions in architecture. In *Architecture of the world, (4)* (pp. 128 -145). Moscow: The All-Union Research Institute for Architecture and Urban Development. (In Russian)